

Литература

1. Шестак Л.А. Общая когнитивная теория образности (мышление – язык – социум – культура) // Слово – сознание – культура: Сб. науч. трудов. М., 2006.
2. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. Изд. 3-е, стереот. Тамбов, 2002.
3. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. СПб., 1996.
4. Серл Дж. Открывая сознание заново. М., 2002.
5. Выготский Л.С. Мышление и речь // Собр. соч.: В 6 т. М., 1982. Т. 2.
6. Леонтьев А.А. Формы существования значения // Психолингвистические проблемы семантики. М., 1983.
7. Василюк В.Е. Психология переживания. М., 1984.
8. Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики. М., 2005.

Е.И. Алещенко

КОНЦЕПТ «КРЕЩЕНИЕ» В РУССКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКЕ

Волгоградский государственный педагогический университет

Центральное место в православии занимают семь христианских таинств: крещение, причащение, священство, покаяние (исповедь), миропомазание, брак, елеосвящение (соборование). По учению церкви, эти таинства были установлены самим Иисусом Христом. Таинство крещения знаменует принятие человека в лоно церкви, когда «человек умирает для жизни плотской, греховной и возрождается в жизнь духовную» [1, с. 46]. Эта крещенская смерть возвещает разрушение смерти Христом, а крещенское воскресение наше еще раз являет образ Воскресения Христова. Совершается глубочайшая тайна: единение человеческого и божественного в «обновленной жизни». Благодать, подаваемая человеку в Крещении, как и в остальных таинствах, – это плод жертвенной Смерти Христа и Его Воскресения. Она сообщает человеку волю к спасению и силы, чтобы идти по этому пути, неся свой крест. И потому Крещение может и должно определяться не образно, не символически, а по существу – как смерть и воскресение [2, с. 31]. Таинство крещения омывает первородный грех Адама и дарует возможность спасения. Первородный грех и заключался в отпадении человека от Бога, в результате чего он отверг истинную Жизнь. А жизнь без Бога и есть духовная смерть, которая превращает человеческую жизнь в одиночество и страдание, наполняет ее страхом и самообманом, обращает человека в рабство греху и злобе, похоти и пустоте. Крещение совершается в подобие Смерти и Воскресения Христа. В православии таинство крещения совершается, как правило, в храме путем троекратного погружения младенца в купель с водой. Это первое таинство в жизни христианина. В нем Дух Святой дает нам новую духовную жизнь, толь-

ко после таинства крещения человек называется христианином. Поэтому крещение совершается как можно раньше, обычно над совсем маленькими детьми. При совершении этого таинства крестные родители с крещаемым младенцем на руках и с зажженными свечами становятся у большого сосуда с водой, купели. Они громко заявляют, исповедуют свою веру, читая Символ Веры, отказываются от дьявола и всех дел его и обещают стараться исполнять заповеди Божии. Потом священник освящает воду и три раза окунает в нее младенца, говоря: «Крещается раб Божий (имя) во имя Отца, Аминь, и Сына, Аминь, и Святого Духа, Аминь». «Аминь», которым восприемники и вместе с ними вся Церковь запечатлевают каждое из трех погружений, означает то, что мы снова видели и испытали, что Христос умер и воскрес из мертвых и с ним умерло и воскресло новое чадо Божие, чтобы стать причастником «света Невечернего». Новая жизнь, получаемая в крещении, требует от человека постоянной духовной работы над собой. Мы снова находимся в начале – человек воссоздан по образу и подобию Творца в новом мире, исполненном Божественной славы.

В сказках также находят отражение семь таинств: крещение, миропомазание, евхаристия, покаяние, брак, соборование, священство. Однако в сказочном тексте встречаются не все, а лишь те, которые связаны с событиями, составляющими обычно сюжет русской народной сказки: рождением, свадьбой, смертью. Остальные отмечаются лишь эпизодически или не отмечаются совсем. Так, в рассмотренном нами корпусе сказок отсутствуют примеры, в которых бы упоминалось о миропомазании, евхаристии и священстве.

Под мыслительными образами, или концептами, можно понимать широкий набор ментальных образований, кодирующих в самых разных конфигурациях культурно значимые смыслы, – от чувственно-наглядных структур до рационального отражения окружающего мира. Основной единицей ментальности является концепт данной культуры, содержательными формами которого служат и образ, и понятие, и символ. Поэтому, по мнению Н.Ф. Алефиренко, концепт не тождествен понятию; он шире и объемнее, это обобщенно-целостная мыслительная единица [3, с. 225–226]. Концепт, по мнению Ю.С. Степанова, – это своеобразный «сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека». Концепты, как утверждает исследователь, «не только мыслятся, они переживаются» [4, с. 55]. Под концептом также понимается «ментальное образование полевой структуры с инвариантной коллективно выработанной и понятийно структурированной, оформленной ядерной частью и индивидуальной ассоциативно-мерцающей периферийной» (И.А. Стернин, З.Д. Попова). Структура концепта многослойна. В самый актуальный, поверхностный, новейший слой концепта, по мнению Ю.С. Степанова, входит коллективное сознание, выразителем которого являются наиболее выдающиеся представители общества: мыслители, писатели, признанные самим обществом в качестве таковых [4, с. 55]. Однако общепринятого понимания концепта еще нет. Его следует отграничивать от таких понятий, как «значение» и «смысл». Концепт обычно рассматривается как единица концептосферы, а смысл, понятие и значения являются разными стадиями его развития и существования. Значение отражает лишь часть содержания концепта, которая фиксируется системой языка и может закрепляться также и в фольклоре. Концепт же эксплицируется во множестве языковых единиц и их значений. Понятие также является составной частью концепта, «обрастающей» в сознании отдельных людей, а также коллективов различными смыслами – ассоциациями и интерпретациями (в том числе сугубо индивидуальными) – под влиянием различных факторов: национальных, культурных, религиозных, идеологических, индивидуального опыта [5, с. 8]. Любой концепт, будучи элементом национально-специфической концептосферы того или иного языка, культурно обусловлен. Выделение различных типов концептов связано с существованием различных типов реалий – абстрактных и предметных, а также различными формами осмысления мира (наивное и научное понятие, интуитивные и рациональные формы и т.д.).

С вопросом о типах концептов связан вопрос о границах концептуализации явлений действитель-

ности, т.е. о том, какие когнитивные единицы могут быть определены как концепты. Структура концепта также понимается по-разному. В работах некоторых ученых она описывается по полевой модели: в ней выделяются ядро, базовые слои и образующее периферию концепта его интерпретационное поле (З.Д. Попова, И.А. Стернин). В других исследованиях структура концепта представляется в виде слоев, причем к базовому слою, лежащему в основе такой структуры, относится этимологический признак (Ю.С. Степанов). Структурные слои концепта выделяются и на иных основаниях – по характеру смыслообразующих признаков – и соотносятся в этом случае с семантическими компонентами слова (Н.Ф. Алефиренко).

Концепт выражается совокупностью языковых и неязыковых средств, прямо или косвенно отражающих элементы содержания концепта. Поскольку содержание концепта в той или иной мере выражается в языке (вербализуется), оно с большой долей объективности может быть выявлено на основе анализа языкового материала. Языковая объективация концептов (их вербализация) делает естественные языки важнейшим инструментом и источником их изучения. Концепты могут репрезентировать самые различные языковые и речевые средства: единицы лексико-фразеологической системы языка, свободные словосочетания, поговорки, синтаксические конструкции, тексты и совокупности текстов (при необходимости экспликации содержания сложных, абстрактных или индивидуально-авторских концептов). Отсутствие устойчивого лексического обозначения (имени) концепта не означает отсутствие самого концепта. Концепт, будучи единицей концептосферы (а не языка), может иметь однословное обозначение, а может и не иметь его [5, с. 8–9].

На уровне практического мышления концепт, по С.Д. Кацнельсону, представляет собой нозму – обобщенный образ объекта, содержащий в себе минимум сведений об объекте, необходимый для его опознания (идентификации) и различения. На уровне развитого (абстрактного) мышления в качестве нозмы выступает «формальное понятие». Функциональная роль нозмы на этом уровне состоит в способности служить приводным ремнем к «содержательным понятиям» [6, с. 33].

На уровне мыслительной синтагматики концепты приобретают пропозициональные функции, превращаются в своего рода схемы образования пропозиций [7, с. 470].

На первых двух эволюционных уровнях мышления концепт (в ходе интериоризации) предваряет лексическое значение слова, а на уровне мыслительной синтагматики (в ходе дискурсивного мышления) путем экстериоризации он способен поро-

дать новые концепты или перерождать уже существующие. При этом интериоризация и экстериоризация оказываются не столько простым переводом внешнего во внутреннее и наоборот, сколько лингвокреативными процессами [6, с. 33].

Словесная вербализация концептов возможна только на основе предметно-практического мышления. Знание, по Ж. Пиаже, берет начало от действия, а всякое действие, которое повторяется или генерализуется через применение к новым объектам, порождает тем самым концептосхему, своего рода практический концепт [6, с. 34].

Экспериментальные исследования А.Н. Соколова, посвященные проблеме взаимодействия внутренней речи и мышления, показывают, что вербализация концепта-образа требует «дополнительного психического акта – нужно как-то домыслить, сконцентрировать, связать в одну точку», в один ассоциирующий образ все свойства и признаки познаваемого объекта. При этом «образы, если они действительно становились средством закрепления, не могли не расширять своего первоначального значения, становясь носителями общего смысла» [8, с. 92–93]. По мнению Н.Ф. Алефиренко, основным способом синергетической концентрации знания в образ служат не простые ассоциации между предметами мысли, а своего рода ассимиляция объектов посредством схем, выработанных тем или иным этнокультурным восприятием мира. Ассимилятивные образы становятся неязыковыми знаками для обозначения концептов. Они лишь сходны со словесными знаками, но образуют особую сферу речемыслительной деятельности – внутреннюю речь [6, с. 34].

В связи с этим, думается, нет необходимости доказывать, что «крещение» является концептом. Однако представляется весьма интересным выделить некоторые способы и средства его реализации в русском фольклоре, в частности, в сказках. Это может быть использование в сказочном тексте лексики, обозначающей реалии, связанные с таинством крещения. При этом само крещение не является центральным событием сказки.

Как сошли они на берег, народ стал кричать и шуметь, а царь поцеловал царевну во уста сахарные, повел во палаты белокаменные, посадил за столы дубовые, скатерти браные, угостил всякими напитками медовыми и наедками сахарными и вскорости отпраздновал свадьбу с душою-царевной – и было веселье и большой пир, что на весь крещеный мир!

(«Семь Симеонов»)

Богатый подумал-подумал, вспомнил про свою куму и пошел к ней совета просить.

(«Дочь-семилетка»)

Вот родился у дьякона сын. Пришел он мужичка просить кумом быть – захотелось это ему попробовать медку.

Ребенка окрестили, мужик кумом стал.

(«Как дьякона медом угощали»)

Крещение в сказке также может упоминаться как факт, неизменно сопровождающий рождение ребенка. Причем примечательно то, что упоминание о крещении встречается даже в сказках о животных.

«Кума, кума, – говорит волк, – кто-то стучит».
– «А, знать, меня на новой зовут!» – бормочет лиса <...>

<...> «Что бог дал?» – спрашивает волк. «Початочек», – отвечает лисица.

(«Лиса-повитуха»)

Лиса с журавлем подружилась, даже покумилась с ним у кого-то на родинах.

(«Лиса и журавль»)

«А вот как! Сам ты, серый, посуди: как тебе есть моих поросят? Ведь они недавно родились. Надо их обмыть. Будь ты моим кумом, а я твоей кумою, станем их, малых детушек, крестить».

(«Волк-дурень»)

Однако обычно в сказке играет существенную роль институт кумовства.

В словаре М. Фасмера происхождение слова кум трактуется следующим образом: «Обычно объясняют как стар. сокращение от *къмотръ* «крестный отец» <...> Однако отношение у:ъ представляет трудности. Ссылка Спока на удлинение гласного в сербохорв. ласкат. именах типа Мiле: Мiлош недостаточно веска, поскольку в кум мы имеем гораздо более древнюю долготу. Происхождение из тюркского тоже недостаточно, вопреки Брюкнеру <...>» [9, с. 414]. О слове же кума говорится, что «обычная этимология из сокращенной формы от *къмотра из лат. *commater* не объясняет вокализма у:ъ <...> Возведение слав. слов к тюрк. *kuma* «сожительница, молодая жена, наложница, рабыня, служанка» не находит подтверждения ввиду отличий знач. последнего слова. В таком случае приходится принимать семантическое влияние слова *къмотръ*, *къмотра* и новообразование *кумъ* от *kuma*» [9, с. 414]. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля слова кум и кума (старин. *кмотръ* и *купетра*) толкуются как «восприемники, крестный отец и мать; состоящие в духовном родстве вообще; но крестнику своему восприемники не кум и кума, а только между собою, и относительно родителей и родичей его» [10, с. 217]. Весьма примечателен иллюстративный материал, которым автор словаря сопровождает данную словар-

ную статью: *Кум дарит крест, кума ризки. За спесивым кумом не находишься с блюдом. При куме не жить, а без кума не быть. Кума да кум наставят на ум! Кума к куме, хоть в решете, да приплывет. С бранчивой кумой не напроцаешься. Не любя кума, и гостинцы не милы. Что знает кум, знает и кумова жена, а по ней и вся деревня. Кумушкины слезки на базаре дешевы. Кумушка, кума, окрести мое дитя, да и не знай мово двора! Кумиться кумиться, да не подеритесь.*

В «Словаре русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой слово кум определяется как 1) *крестный отец по отношению к родителям крестника и крестной матери;* 2) *устар. и прост. обращение к знакомому пожилому мужчине* [11; с. 149], а слово кума – 1) *крестная мать по отношению к родителям крестника и крестному отцу;* 2) *устар. и прост. обращение к знакомой пожилой женщине;* 3) *немолодая женщина, находящаяся в приятельских отношениях или во внебрачной связи с кем-л.*

В духовных легендах значение крестного для ребенка рассматривается в смысле духовного наставничества.

В старое время было так: жил-был бедный крестьянин, и у того у крестьянина было немало семейство — ровно шесть сыновей. Родился у него еще седьмой сын. Надо было младенца крестить. Жена и посылает своего мужа искать крестного. Мужик на первый же день обошел всех богатых поселян, только никого не мог найти, кто захотел бы принять младенца. Все отказались, потому что к бедному не так-то охотно идти. На другой день жена опять посылает своего мужа искать кума. Тот опять никого не сыскал, идет да сам плачет. Вдруг попадается ему навстречу незнакомый человек, и тот человек был сам господь. Спрашивает он мужика: «О чем плачешь, старичок?» Тот отвечает: «Да вот родился у меня сын. Надобно его окрестить, да никто не идет ко мне в крестные, потому что беден». — «Не тужи, я твой кум. Пускай несут младенца в церкву. Я сейчас там буду».

(«Христов крестник»)

Следует отметить, что подобный сюжет встречается и в сказках других славянских народов, хотя и с некоторыми вариациями. Например, в чешской сказке кумой бедного крестьянина, у которого также никто не хочет крестить ребенка, становится смерть.

Жил на свете один человек, бедный-пребедный. Слегла его жена и родила сына. Никто не соглашался крестить мальчика — очень уж бедные они были. Отец и говорит:

— Божже мой, так я беден, что никто не хочет оказать мне этой услуги. Возьму-ка я сыночка и пойду куда глаза глядят, кого встречу, того и позову в кумовья. А если никого не встречу, попрошу пономаря, может он меня уважит.

Пошел он и повстречал на дороге красивую женщину. Он и не признал ее. А это была Смерть.

Попросил он ее окрестить сына; она не стала отказываться, сейчас же назвала его куманьком, взяла мальчика на руки, понесла в костел, и окрестили его как положено.

(«Смерть-кумушка»)

Кумовья могут помогать друг другу во всяких проделках, а могут, напротив, прикрываясь кумовством, стараться получить друг от друга какую-либо выгоду, схитрить.

Жили-были кум с кумой — волк с лисой.

(«Лиса-повитуха»)

Навстречу ей попала лиса и спрашивает: «Куда тебя, кумушка, бог несет?»

(«Овца, лиса и волк»)

Чрез несколько времени повстречался им бирюк. «Здорово, кума!» — «Здравствуй!» — говорит лиса.

(«Овца, лиса и волк»)

Лиса услышала и подхватила: «Взаправду, кум, твой?»

(«Овца, лиса и волк»)

Вот медведь начинает опять голодать и говорит: «Кума, кума, где ты берешь себе еду?»

(«Звери в яме»)

Тут она (коза. — Е. А.) собрала шерстку, иссушила на печи и смолола, как муку: через день затеяла блины и вздумала позвать к себе в гости бирюка, а бирюка она видывала у своей кумушки — лисы.

(«Волк и коза»)

Тут коза с кумою лисою сделали чудесный помин по бирюке: наелись, напились, вышли во двор; коза проводила куму, а сама с своим козленком стала жить да поживать и молочко для козленка добывать.

(«Волк и коза»)

Лиса привела их к избушке. «Кум, — говорит она медведю, — отворяй дверь, я наперед пойду, петуха съем».

(«Зимовье зверей»)

Обычай иметь восприемников при крещении восходит к древнейшему Апостольскому Преданию. Греческое слово «анадохоменос» (восприемник) имеет также значение «поручитель за должника». Святой Иоанн Златоуст в одной из своих оглашенных бесед, на которой присутствовали оглашенные вместе со своими восприемниками, так разъясняет их роль:

«Если хотите, обратим слово и к восприемникам вашим, чтобы могли увидеть и они, какого удостоится вознаграждения, если проявят о вас великое усердие, и, напротив, какое им последует осуждение, если они впадут в беспечность. Подумай, возлюбленный, о тех, кто принял поручительство о деньгах, что они большей подвергаются опасности, чем должник, взявший деньги. Ибо если должник явится благоразумным, то поручителю облегчит бремя; если же станет неразумным, то ему большую опасность уготовит. Если же принявшие поручительство о деньгах считают себя ответственными, то насколько же больше те, кто причастен к духовному, те, кто принял поручительство о добродетели, должны проявить великую заботу, убеждая, советуя, исправляя, проявляя отеческую любовь. И пусть они не думают, что происходящее не имеет для них значения, но пусть узнают точно, что и они станут соучастниками славы, если своими наставлениями приведут наставляемых к пути добродетели; а если впадут в праздность, будет им многое осуждение. Ибо потому существует обычай называть их отцами духовными, чтобы они узнавали через сами дела, какую любовь должны проявить в наставлении о духовном. И если похвально привести к рвению о добродетели тех, кто никак не является родственником, то насколько же более должны исполнить положенное в отношении того, кого мы принимаем как чадо духовное. Узнали теперь и вы, восприемники, что немалая вам угрожает опасность, если впадете в беспечность».

По Третьнику, необходимым считается только один восприемник – мужчина для крещаемого лица мужского пола или женщина для лица женского пола. Но по укоренившейся традиции бывает двое восприемников: мужчина и женщина. При крещении младенцев восприемники приносят и держат на руках своих крестных детей на протяжении всего чинопоследования, причем если восприемников двое, то мальчика может держать крестная мать, а девочку – крестный отец вплоть до погружения в купель. После трехкратного погружения младенца в купель его возвращают на руки своему восприемнику (того же пола, что и младенец), который должен иметь в руках чистую пелену или полотенце и быстро вытереть тело ребенка, чтобы он не переохладился. Восприемник должен знать Символ веры и прочесть его в соответствующий момент, кроме того, он дает ответы на вопрошения священника об отречении от сатаны и сочтении со Христом. Впоследствии, по достижении ребенком сознательного возраста, восприемник должен объяснить ему основы православной веры, водить его к причастию и заботиться о его нравственном и духовном состоянии. Все эти обязанности предполагают, конечно, что сам восприемник – крещеный и православно верующий

человек, знакомый с содержанием Священного Писания, знающий основные молитвы, посещающий церковные богослужения. Священнику предписывается регулярно в проповедях разъяснять прихожанам необходимость выполнения этих требований при выборе крестных родителей для новорожденного. Не допускаются к восприемничеству монахи и монахини, также и родители не могут быть восприемниками собственных детей. Вообще супруги не могут быть восприемниками при крещении одного младенца, но при этом мужу и жене разрешается быть восприемниками разных детей одних и тех же родителей, но разновременно [2, с. 37–38].

Энциклопедический словарь «Славянская мифология» приводит сведения о различных славянских традициях, касающихся кумовства. Например, у сербов и болгар кумовство часто наследовалось по мужской линии, кумом всех детей в семье становился посаженный отец на свадьбе родителей. Крестных родителей выбирали среди родственников или, наоборот, среди соседей, друзей, чтобы расширить круг социальных связей. Но такой расчет одновременно сужал возможности выбора брачного партнера, так как духовное родство было препятствием для брака. Так, например, русская Кормчая книга запрещала браки между духовными родственниками до седьмого колена. Количественный и половой состав кумов у славян тоже различен. Их число зависело от положения семьи: так, в Польше к внебрачному ребенку шла только одна крестная, а к другим детям – по две–шесть. Сохраняются и по сей день определенные ограничения на участие в обряде крещения. Во многих традициях не идет в кумы беременная женщина, так как считается, что ее крестник умрет.

Крестные родители – самые важные участники крещения, на них лежит целый ряд материальных и моральных обязательств. У сербов кум с согласия родителей или без него дает имя крестнику, которое объявляет позже, на обеде. Повсеместно кум оплачивает крещение, дарит подарки священнику, покупает крестик, кума приносит в подарок крестильную рубашку или ткань. Крестные родители также дарят подарки на большие праздники, на именины, когда ребенок идет в школу, к первому причастию, на конфирмацию. У русских крестные родители иногда подбирают пару своему крестнику, они всегда почетные участники свадьбы, дарят самые дорогие подарки. У болгар крестник устраивает накануне свадьбы угощение для кума, в Заонежье крестница на свадьбе делает своей крестной и ее мужу самые ценные подарки. Быть крестными родителями почитается большой честью. У болгар, живущих в России, считается, что тот, кто на этом свете не крестил детей, на «том свете» будет воспринимать лягушек. А те, кто за свою

жизнь окрестил сто детей, попадет в рай. На Украине и в России верят, что крестники на «том свете» будут защищать своих крестных от чертей, а крестные – в свою очередь – своих крестников. Кумовьев меняют только в том случае, если дети в семье умирают один за другим, когда рождаются только дочери или у самого кума нет детей. Родители приглашают в крестные первого встречного на дороге, на перекрестке или у церкви.

Кумовство создает нерасторжимые связи и между крестными родителями и крестниками, и между кумами. Сексуальные отношения между ними строго запрещены. Нарушение этого запрета считается тяжким грехом, который отразится на здоровье крестника. При этом мотив такой грешной связи между кумовьями постоянно возникает в фольклоре. Так, известны многочисленные предания о возникновении «кумовых» озер на месте, где согреши-

ли кумовья, о превращении кумовьев в камни. Мотив запретной любви постоянно встречается и в песнях, исполняемых у восточных славян на крестинах. Кум в этих текстах превращается в цветущую рожь, а кума – в калину [12, с. 261–262]. Как видим, в сказочной традиции также частотны ситуации, в которых кумовья либо вместе устраивают различные каверзы другим героям сказки, либо обманывают друг друга.

Таким образом, концепт «крещение» в русской народной сказке реализуется при посредстве лексических средств, обозначающих различные связанные с обрядом крещения реалии. Наибольшее развитие получает сценарий, связанный с ролью крестных родителей в жизни крестника и отношениями кумов. При этом в сказке отражаются народные традиции, приметы и т.д., имеющие отношение к институту кумовства.

Литература

1. Кусков В.В. Православие в жизни русского народа // Русская духовная культура. М., 1995.
2. Русский православный обряд крещения. М., 1996.
3. Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова. М., 2002.
4. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.
5. Крючкова Н.В. Концепты возраста (на материале русского и французского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2003.
6. Алефиренко Н.Ф. Проблемы вербализации концепта. Волгоград, 2003.
7. Кацнельсон С.Д. Категории языка и мышления: Из научного наследия. М., 2001.
8. Соколов А.Н. Внутренняя речь и мышление. М., 1967.
9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1967.
10. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М., 1998.
11. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. 2. М., 1999.
12. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 2002.

Л.Г. Ефанова

ОЦЕНКА ТЕРПЕНИЯ С ПОЗИЦИЙ НОРМЫ И ИДЕАЛА

Томский государственный педагогический университет

Терпение принято считать одной из национальных черт русского народа. В этом качестве терпение может получать как безусловно положительную (напр.: *ангельское терпение, материнское терпение*), так и негативную оценку (напр.: *рабское терпение, тупое терпение*), причем противоположные оценки могут быть присвоены разными наблюдателями одной и той же ситуации. В статье мы ставим перед собой цель выявить причины столь разных оценок явления, обозначенного словом *терпение*, и на основании данных языка определить сложившееся в русском социуме отношение к названному этим словом понятию.

С точки зрения носителей современного русского языка, *терпение* и *терпеливость* представляют собой «способность человека, подвергающегося воздействию неблагоприятных факторов, которые выводят его из внутреннего равновесия или причиняют ему физическую боль, постоянным усилием воли сохранять контроль над своим поведением» [1, с. 438], способность «стойко и безропотно переносить, сносить что-л.» [2].

В ситуации, обозначенной словом *терпеть*, всегда участвуют две стороны: субъект терпения и некая сила, оказывающая отрицательное воздействие на его физические и/или психические стороны.